

Марина Саввиных

Завещание «Минотавра»

Повесть-сказка¹*Посвящая сказку о «Минотавре» Вареньке
Соловей, вдохновительнице и соавтору*

Глава пятнадцатая,

*в которой рассказывается,
каково это — быть растением*

Тесей был парень не из пугливых, но величие и красота Лабиринта смутили его. Он то и дело озирался, останавливался, рассматривая настенную живопись, цокал языком, вздыхал и даже время от времени издавал звуки вроде «о-го-го», «ух ты» или «вау»².

Ариадна вела его по коридорам, лестничным переходам, туннелям и галереям, а сама так и не решила ещё, куда именно доставит пленника и что с ним будет дальше.

Плащи-невидимки давно были сняты, свёрнуты в небольшой плотный свиток и путешествовали под мышкой у Тесея. Теперь — при свете зелёных огоньков-светильников — юноша и девушка могли свободно рассмотреть друг друга.

Ариадна знала, что Тесей — прямой потомок первых переселенцев с Тэрры. В этом смысле — родня и Миноса, и Дедала, и самой Ариадны. Но теперь она с любопытством рассматривала его, и он всё больше ей нравился — высокий, выше ростом её самой, — а ведь минойцы по сравнению с ней были низкорослыми и щуплыми. Большие карие глаза афинянина влажно блестя, выдавая чувствительную, вспыхивающую натуру. Густые чёрные волосы, остриженные по-спартански, упрямыми завитками кудрявились над ушами.

Царевна уже несколько часов водила его кругами — она не знала, что делать дальше. Честно говоря, после выпуска из Дома Волка она часто в душе критиковала Миноса, многие его решения находила неудачными, считала отца слишком мягкосердечным и недостаточно решительным правителем. Вот если бы она, Ариадна... да! Ей показалось, что Минос намерен всё-таки сдать Тесея Агамемнону — поэтому она и выкрала афинянина из Схоликона. Это нужно было сделать быстро, очень быстро. Вот она и сделала... но что теперь делать, когда Тесей наивно и бодро шагал рядом с нею по Лабиринту, она не знала.

Тем более она с ужасом почувствовала, что её связь с Верой прервалась. Она не слышала своё второе «я». Вернее, то, что она слышала, — стук переживаний, полных отчаяния, — вызывало в ней острое чувство вины и готовность мчаться на выручку сию минуту. Но Тесей...

В конце концов Ариадна приняла решение: пусть судьбой Тесея озаботится Дедал. Они соотечественники, земляки! Вот и пусть!

Конечно, в лаборатории, в мастерские, в виварий³ она его не повела. Царевна не нашла ничего лучшего, как отвести «молодого афинского царя» в личные апартаменты Дедала, по местному выражению — в его покои.

Странная и тяжёлая это была встреча. Тесей видел в Мастере беглеца-убийцу⁴ и считал, что у него, Тесея, имеются все основания ненавидеть его, а мудрый Дедал заранее знал, чем вся эта ситуация может обернуться, но не находил решения, поэтому вынужден был принять всё как есть. Это, собственно, и нужно было Ариадне. Хотя бы ненадолго. Пока она не найдёт Веру.

Обняв Учителя и что-то бессмысленно-ободряющее шепнув ему на прощание, Ариадна выхватила у Тесея драгоценный свёрток и со всех ног помчалась в Схоликон.

Но Вера в это время уже была далеко от Схоликона. Она чувствовала себя словно в каком-то расплывающемся по сторонам мерцающем куполе — сигналы доносились отовсюду: запахи, звуки, тепло и холод, цвет, свет, толчки, поглаживания... Она чуть было не кинулась в панику, но вдруг поняла, что надо просто сосредоточиться на самых

1. Продолжение. Начало см. «День и ночь» № 6/2022, 1/2023.

2. Некоторые всерьёз считают, что этот дикарский возглас вошёл в моду только тысячи лет спустя — во времена интернета и гаджетов.

3. Виварий — здание или отдельное помещение при медико-биологическом учреждении, предназначенное для содержания лабораторных животных, которые используются в экспериментальной работе или в учебном процессе.

4. По версии афинского мифа, Дедал был коренным афинянином, но был обвинён в убийстве и поэтому сбежал на Крит.

сильных сигналах. Это помогло. Она даже стала различать голоса и очертания предметов. Вот сверху потянуло теплом, что-то зажужжало, заверещало тонким протяжным голоском... и—ой!—больно царапнуло... Что же это?

Иногда ей казалось, что она слышит мысли Ариадны, но они проносились вокруг так стремительно, что она даже не успевала зацепиться за них—хотя бы на мгновение. Так прошло много времени... или немного—Вера не могла дать себе отчёт во времени, в том, что происходит с ней. Всё как-то затормозилось, остановилось, оцепенело.

Вдруг она ясно различила—в той точке, на которой ей удалось сосредоточиться,—что-то живое и подвижное. Ещё усилие, и—о радость!—Вера узнала маленькую наяду Лириопу. Да-да! Стоило ей вспомнить о Лириопе, как та появилась совсем близко.

— Не думай только, — сказала Лириопа, — что видишь сон. Это не сон. Но и не явь. Это инобытие.

«Я не думаю, — подумала Вера и тут уже усомнилась: — Если я это подумала, значит, всё-таки думаю... а если думаю, то—чем? И кто это думает, если не Я? А если это Я, то где же Я?

Действительно, чём теперь думала Вера, если ни головы, ни ног, ни рук она не чувствовала?.. Вернее, чувствовала всю себя одновременно—везде, словно бы мысли возникали не где-то внутри, а, будто облако, окружали её—так, что она почти не различала, где кончается «всё вокруг» и начинается она, Вера. Вот и Лириопу она «видела» лишь очень условно—наяда мягко мерцала в поле её внимания, излучая какие-то мысли и настроения.

— Не расстраивайся, дитя, — наяда переливалась в полумраке тёплыми, прохладными, зеленоватыми и золотистыми тонами, —это всего лишь метаморфоза. Уж кто-кто, а мы-то, нимфы и наяды, хорошо знаем, что это такое. Хотя бы Дафну вспомни. Говорят, будто Аполлон в образе волка преследовал её, и она от страха превратилась в лавр. И будто бы Феб ничего лучшего не придумал, как обломать её веточки и сделать из них венки себе. Люди так наивны! — наяда рассмеялась, брызнув во все стороны розовым и пурпурным.—Дафну Паллада наказала за гордость. Арахну за мастерство. Лучшей ткачихой была Арахна—вот и превратили её в паука! А Сиринга, милая сестрица, превращена была в тростник. И с тех пор душа Сиринги живёт во всех дудочках и флейтах, какие только не встретишь в подлунном мире. А Нарцисс! Он превратился в цветок! Уж больно ему нравилось собой любоваться... И Гиацинт, и Кипарис. Все они были когда-то полубогами, людьми. И превратились. И не жалуется. Отчего же ты грустишь? А, Вера?

Вера хотела ответить, но только еле слышно зашелестела листвою.

— Я не знаю, как тебе помочь, — откликнулась Лириопа, — но я подумаю.

Если бы кто-то мог видеть их беседу со стороны, то умилился бы чудесной картинке: на ветке молодого деревца, утопая в его свежей густой листве, болтая перепончатыми лапками, сидит прелестная зеленовласка и напевает какую-то замысловатую негромкую песенку, в которой ни один человек не различил бы ни слова. Так только птички поют или стрекочут осторожные ночные зверьки.

Лириопа, изо всех сил стараясь утешить мирную-Веру, ласково перебирала её веточки, и вдруг пальцы наяды наткнулись на что-то твёрдое...

— Ух ты! Что это? — в руках Лириопы оказалось тёмно-красное коралловое ожерелье.

Да-да! То самое, что несколько дней назад Талло, девушка из Маталы, надела на шею новой подружке.

Едва Лириопа прикоснулась к нему, как ей стало ясно, что нужно делать. Она так обрадовалась, что её радость тут же передалась деревцу-Вере.

Лириопа обняла Веру, прижавшись щекой к её тёплому стволу, и прошептала — вернее, подумала шёпотом, ведь Вере было всё равно, насколько громко или тихо звучат мысли: «Только человек может вернуть человеку его прежний облик. Узнать его среди прочих и позвать по имени. Как только это сделает кто-нибудь из твоих знакомых, Вера, ты снова станешь человеком. Не огорчайся. Потерпи ещё немного. Я помогу тебе».

Глава шестнадцатая,

в которой Вера с помощью старых друзей возвращается во Дворец, а Дедал и Тесей отбывают на Тиру

Укрывшись от свирепого полуполуденного солнца под развесистым старым ясенем, Талло перебирала в уме свои заботы и мечты, перекладывала их с места на место, собирала и разбрасывала. Время от времени ей приходило в голову таинственное исчезновение Париса. В деревне уже несколько дней обсуждали эту новость, спрашивали у Лирикаона, куда приёмыш пропал. Но тот только качал головой: видно, кто-то из бессмертных проявил к мальчику интерес. Добрый, худой ли... как знать? Не нам, простым людям, вникать в замыслы богов. А Парис с младенчества был особенным. Так что следовало ожидать.

— От судьбы не уйдёшь, — вздыхали старики.

Но Талло догадывалась, что всё дело в странной девочке, с которой Парис вместе с ними—с ней, её братом и сестрой—отправился в Кносс. Может быть, они с Койной вообще последними видели Париса. Если не считать Веры. Но как считать Веру, если она... неизвестно кто и неизвестно откуда взялась?

Талло поёжилась—лёгкий холодок пробежал по её босым ножкам, словно откуда-то из-под

корней дерева потянуло сквозняком. Девушка огляделась по сторонам и вдруг услышала тихий голосок, похожий на журчание ручейка:

— Хорошо, что ты вспомнила о Вере, иначе мне труднее было бы разыскать тебя.

Талло искала глазами: откуда доносится звук? Ах, вот оно что! На ветке платана, прямо над её головой, сидела маленькая наяда с огромными тёмно-зелёными глазами, влажно блестящими в тени широких листьев, и ласково, но в то же время встревоженно смотрела на неё.

Не каждый день, конечно, так запросто, в лесу, встречаются наяды, но для жителей Маталы такая встреча чем-то невероятным не была, поэтому Талло только обрадовалась и подумала, как она всем в деревне станет рассказывать об этом.

Наяда рассмеялась её мыслям (как все разумные лесные обитатели, она легко читала мысли существ—живых, полуживых и неживых тоже), но сразу снова стала серьёзной:

— Вера попала в беду. Но ты можешь ей помочь. Я знаю как. Хочешь?

— Ещё бы не хотеть!—всполошилась Талло.— Что с ней случилось?

— Кто-то из бессмертных превратил её в дерево. Талло только слюну слотнула от страха и удивления.

— Я не нахожу, что это невыносимо и дурно,— продолжала Лириопа.— По мне, так жизнь дерева гораздо спокойней жизни человека, да и длинней, как показывает опыт. Но Вера страдает. К тому же от неё по-человечески так много зависит в развернувшейся игре богов, что было бы совсем неправильно, если бы она так и дремала тут деревом, пока во Дворце уже сходят с ума, разыскивая её. Веру надо найти и вернуть ей прежний облик.

— Но где же она?

— Здесь, недалеко. Я отведу тебя в мириковую рощу. Но там, среди множества деревьев, ты должна без малейшей подсказки узнать её, подойти, обнять, передать ей частичку своей человеческой силы и трижды позвать по имени. Сможешь?

— Не знаю,— Талло впервые почувствовала то, что взрослые называют огромной ответственностью. Она никогда прежде не знала, как это бывает, когда так много зависит от тебя. И растерялась. Но всего на несколько мгновений.— Я буду очень стараться. Очень.

— Вот и ладно. Я уверена, у тебя всё получится. Пойдём,— Лириопа соскользнула с ветки, взяла Талло за руку и потянула за собой в глубину леса.

Заросли дикого лавра простирались шагов на пятьсот во все стороны от того места, куда Лириопа привела Талло.

— Дальше я не могу с тобой идти. И помочь тебе больше ничем не могу. Ты должна сама— иначе ничего не получится.

Лириопа, подобно ящерке, взобралась на ветку самого высокого дерева, чтобы иметь достаточно широкий обзор. Помочь Талло она не могла, однако наблюдать за её действиями—вполне. И намеревалась воспользоваться этой возможностью от начала и до конца.

Талло стояла среди множества лавровых деревьев, деревьев и кустов—они были если и не одинаковые, то на человека ни одно из них никак не походило. Девушка растерянно озиралась по сторонам. Куда идти? Где искать ту единственную мирику?

Надо признать, у Талло никогда не было причин гордиться своим умом. «Талло? Та миленькая дурочка?»—с малых лет слышала она в родной деревне и давно смирилась с тем, что соображать—не её дело. А тут соображать приходилось. Да ещё солнце пекло так, что даже привычная к летней жаре критянка вспотела, разомлела, и больше всего ей хотелось вздремнуть где-нибудь в тени. Но мысль о несчастной Вере, душа которой томится в безликом и бессловесном дереве, заставляла её бодриться и усиленно размышлять.

«Ох, ну и жара,—думала Талло,— даже трава пожухла».

Действительно, несмотря на то, что в тенистой роще было прохладнее, чем на солнцепёке, трава под деревьями подсохла, пожелтела и поникла, словно обожжённая убийственным дыханием Гелиоса—палящего полуденного солнца. Только у самых ног искательницы влажно зеленел кустик заячьей капусты... и на расстоянии шага прямо перед ней—ещё пучок мокрой травы, чуть примятый, но свежий, зелёнький... ой—и дальше, дальше, как будто кто-то прошлёпал по траве мокрыми ногами, оставив след. И совсем недавно.

«Кто же тут прошёл?—озадачилась Талло.— Так, наверное, Лириопа! Кто бы мог, кроме неё, так мокро здесь наследить?»

Увидев с высоты своего наблюдения, что Талло пошла по намеченной для неё дорожке, Лириопа возликовала и даже подпрыгнула от радости. А Талло шла-шла и пришла, наконец, к озеру, по берегам которого мирика росла не так густо, и каждое деревце можно было обойти и рассмотреть в отдельности.

— Уф,— Талло села отдохнуть под одно из них,— как здесь приятно!

Она откинулась на траву, заложив руки за голову, и вроде бы даже задремала, время от времени всё-таки приоткрывая глаза и сквозь ресницы рассматривая листья мирики, которые тихонько шевелились прямо над её лицом. Полусонный взгляд девушки скользил всё выше, выше и вдруг споткнулся о... Талло вскочила, встала на цыпочки, потянулась всем телом и сняла с ветки, ласково щекотавшей её запястье, тёмно-красное коралловое ожерелье. То самое.

А в это время Ариадна, увлечённо беседовавшая с Тесеем в одном из самых засекреченных залов лабиринта, вдруг почувствовала присутствие Веры. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от радости. Нашлась! Нашлось её второе «я»! Она чувствовала, что Вера сейчас—где-то в деревне, среди людей простых и доброжелательных. Это немного успокоило её, но теперь надо было срочно доставить Веру во Дворец.

«Не беспокойся»,—Вера мгновенно откликнулась; она уже знала, как добраться до Кносса.

Конечно, жителей Маталы больше всего интересовало исчезновение Париса, но они со всей возможной деликатностью не докучали Вере распросами. Сама история её превращения, которую умница Талло не смогла утаить от родственников и соседей, была такова, что и помыслить жутко. Поэтому Вера, не дожидаясь лишних вопросов, просто сказала Ликаону, что Париса, скорее всего, забрали учиться в Схоликон. Такие он во Дворце проявил ум и сообразительность. Этого оказалось достаточно, чтобы приёмная семья Париса поверила и успокоилась. Схоликон—это да! Значит, выйдет из мальчика толк. Значит, станет мальчик большим человеком!

На самом деле Вера понятия не имела о том, где теперь Парис и что с ним. Правда, каким-то глубоким и верным инстинктом она понимала, что друг её жив и занят чем-то важным. Но это не исключало опасности, которая всё сгущалась вокруг, не давая Вере ни дня передышки.

Вера заночевала в деревенской хижине—вместе с Талло, которая замучила её бесконечными расспросами о Дворце, о царской семье, о Схоликоне, о том о сём... А девочке, которая всего несколько часов назад была деревом, не то что говорить по-человечески—соображать по-человечески было трудно, поэтому разговоры в конце концов закончились быстро, и Вера провалилась в глубокий освежающий сон.

Утром—едва небо над верхушками леса посветлело и порозовело—Маврис, старший брат Талло и Койны, запряг вола в лёгкую двухколёсную тележку. Талло уговорила Веру взять её с собой—уж очень хотелось ей тоже попасть в недоступные для простых миноццев помещения Дворца, а Вера... не могла же она отказать в такой малости своей спасительнице? Так что в Кносс они отправились втроём: Вера и Талло—в тележке, Маврис—возницей.

Дорога была хотя и долгой, но неутомительной. Около полудня путешественники остановились возле южных ворот Дворца. Вера была уверена, что Ариадна выбежит ей навстречу. Но—увы.

«Пойми, я занята. Чрезвычайно. Ты прекрасно справишься без меня,—Ариадна была непреклонна.—Отправляйся к себе и жди. Как только освобожусь, увидимся».

«Но... как же?..»

«Так! Не сердись, Вера. Мне правда недосуг. Ты здесь не гостя, а хозяйка. Управляйся как-нибудь».

Ну-ну... Вера поджала губы. Ладно. Переживания Ариадны были теперь целиком связаны с Тесеем и очень даже понятны.

— Пойдём,—Вера взяла Талло за руку, и они отправились наверх.

Талло только взвизгивала и ахала, пока они поднимались по бесконечным лестницам, коридорам и галереям Дворца. Наконец—вот оно: Вера потянула кольцо, вставленное в пасть пантеры, и они вошли в комнату, покинутую Верой... кажется, целую вечность назад.

Вера ожидала, конечно, что, попав в помещение с невиданными предметами обстановки, Талло ещё больше разахает, начнёт восторгаться и лепетать глупости, но ничего подобного: девушка, видимо, приняла как данность, что во Дворце—чудеса, и только трогала и гладила вещи, приносившаяся и оглядывалась. Она не удивилась даже, когда перед ними с корзинкой еды и напитков явилась Зои собственной персоной. Впрочем, это как раз понятно: кентавры-охранники у ворот Схоликона, зеленевласые наяды с перепончатыми лапками... да каких только существ не встретила Талло—пусть не каждый день, но всё же,—чтобы падать в обморок при виде юной драгаины, расставляющей перед ней соблазнительные яства!

«Что же подарить Талло?—думала Вера, время от времени прикасаясь к спасительному ожерелью у себя на шее.—Что-то очень ценное для неё, небывалое, но такое, что не повредило бы ни ей, ни—как бы чего не вышло—возможному будущему?»

Наконец ей пришла в голову мысль, которую захотелось немедленно воплотить, и, поручив Талло заботам Зои, Вера уединилась в своей раздевалке у стола с волшебными карандашами.

Вот ведь фокус! Волшебный карандаш моментально «понял» её мысль, изображая плащ-невидимку. А простейший фонарик на солнечной батарее у него никак не получался. Рисуя, Вера загромодила стол кучей всевозможных поделок—столь же похожих на мысленный прототип, сколь и совершенно бесполезных. В какой-то момент ей даже показалось, что волшебные карандаши потеряли силу—предупреждал же об этом Гермес! Но потом она сообразила, что такая вещичка, как электрический фонарик, должна быть сначала правильно «разобрана» у неё в голове, а потом столь же правильно «собрана»—тогда карандаш «поймёт», чего она от него хочет.

Вера стёрла ластиком нарисованный ею хлам и принялась мысленно «разбирать» фонарик, который—там, дома,—всегда на всякий случай был при ней в кармане ветровки. Так-с. Вот это—плоская солнечная батарея, соединённые между собой

кремниевые ячейки... солнечный свет их нагревает... и эта энергия... э-э-э... ну да! кажется, именно так... эта энергия превращается в электрический ток. Это провода... это аккумулятор, накапливающий электричество... это снова провода... а это лампочка, которая будет давать свет... В общем, как-то так. Вера напрягла всю свою зрительную память и воображение. И снова начала рисовать. Так, так — и вот так... надо же! Нарисовать техническое устройство оказалось труднее, чем живую птичку! Но карандаш наконец-то её «понял»! И — о радость! — настоящий электрический фонарик на солнечной батарее лежал перед ней на столе. — Старайся держать его на солнце, Талло! При любом удобном случае, как можно чаще. Тогда в темноте у тебя всегда будет свой свет. Вот так, смотри!

При помощи специального колпака, прикреплённого к длинной палке, Вера погасила газовую лампу — и включила фонарик. Его свет в тёмной комнате — яркое круглое пятно — привёл Верину спасительницу в восторг. Девочки ещё долго забавлялись чудесной вещицей, пока, наконец, Вера не напомнила Талло, что пора прощаться. Конечно, Талло не хотелось уходить, но она ведь знала, что и с Верой, и с Дворцом ей придётся расстаться. Вера обняла Талло на прощание, и Зои повела девушку на площадь, где уже нервничал томившийся в ожидании Маврис.

Между тем исчезновение Тесея и в Схоликоне, и во Дворце уже вызвало переполох: царская гвардия — кентавры — прочёсывала окрестность; драгайны — метр за метром — исследовали лабиринт и все тайные уголки, закутки и подземелья. Минос не находил себе места и посылал гонцов к Агамемнону, которого, как назло, тоже не могли разыскать. Но, разумеется, никому не приходило в голову, что «молодой афинский царь» скрывается в покоях царевны.

Да-да! Как только Ариадна поняла, что розыск Тесея принимает совсем не шуточные обороты, ей стало ясно, что пребывание афинянина у Дедала неминуемо закончится позором и для неё, и для Дедала. Что же ей оставалось? Только спрятать Тесея у себя.

Но что же дальше? — Чего ты ожидал, Тесей, на Крите? Неужели на самом деле — встречи с Минотавром? — спрашивала царевна своего нового друга, к которому действительно с первого взгляда почувствовала симпатию.

— Чего я ожидал? — Тесей смущённо потёр переносицу. — Драки ожидал, конечно. Какой-то драки. Вместо этого нас всех поместили в чудесный сад и стали всячески любить и баловать. Я так и не понял — зачем.

— Зачем?.. — усмехнулась Ариадна. — Тебе не приходит в голову, что не всё в мире — зло, не всякую

напасть исцеляют мщением? И если уж мстить за обиду и боль, то не лучше ли обезоружить противника добром, чем множить гнев и злобу?

Тесей хмыкнул. Его недолгая жизнь пока что непрерывно доказывала обратное. Ну разве что Минос оказался необъяснимо добр к нему и его спутникам. Так ведь в этой доброте, скорее всего, и кроется подвох. Что же это за хитрость? Чего он добивается?

— К тому же, — продолжала Ариадна, — представь, что здесь, в Лабиринте, ты и вправду один на один встретился бы с кровожадным чудовищем... Неужели ты способен убить его?

Тесей пожал плечами и, вытянув руки перед собой, выразительно посмотрел на свои ладони. — Так ли? — улыбнулась Ариадна. — Высокого же ты мнения о себе, молодой афинский царь! Впрочем, сколько бы ни придумывали афиняне чудесные истории о собственных царях и царевичах, реальности это не меняет. А реальность такова, что... — Что? — недоверчиво подхватил Тесей.

— А то, — Ариадна строго наморщила лоб, — что оставаться тебе здесь больше нельзя. Соглядатаи аргивские повсюду рыщут. Ты им нужен. Пленить тебя или убить — самая заманчивая цель для них. Гордись! Будь ты так себе птица, не стали бы они тревожить волны Срединного моря и топтать с враждою благодатную землю родины богов. Боюсь, для Миноса дипломатические выгоды ценнее твоей жизни, Тесей. И сдаст он тебя Микенам, чует моё сердце. Если найдёт, конечно. Но он тебя не найдёт. — Бежать? — вздохнул Тесей. — Чтобы я вернулся один, без наших парней и девушек, которые доверились мне?

— Но ведь им ничто не угрожает! Разве Эгей не знает об этом? Лета через два-три спроси каждого из товарищей своих: хочет ли он вернуться? Хотя бы один или одна согласится бросить Крит? Ты сам — не появился в Кноссе Агамемнон — разве согласился бы добровольно покинуть Схоликон? — Всё равно. До конца дней своих я буду чувствовать себя виноватым... не выполнил поручение... — Какое поручение? — встрепенулась Ариадна. — Говори: что ты должен был сделать?

Тесей замаялся. — Найти Дедала и выведать у него тайну предсказаний. А лучше самого Дедала склонить к возвращению и с его помощью вернуться в Афины. Вместе с пленниками, конечно.

— Ну... по крайней мере, к решению половины этой задачи ты близок как никогда. Я наняла лодку, которая завтра же утром отвезёт тебя и Дедала на Тиру. Вы друг за другом приглядите, если что. А там, на Тире, договоритесь, если сможете. Да и есть там кому с вами разобраться и в случае необходимости оказать посильную помощь.

«Нельзя на Тиру!» — мысленно закричала Вера. Откуда она это знала, ей и самой было непонятно,

но она почему-то в этот момент знала наверняка: куда угодно, только не на Тире!

«С какой стати?—несколько даже высокомерно возразила ей Ариадна.—Во Дворце Тесею оставаться никак нельзя. А представляешь, что будет, если он объявится вне Дворца где-нибудь на Крите? Отправить его в Афины я пока не могу. А на Тире—клянусь!—есть кому всё это уладить. Ну? Согласна?»

«И Дедал с ним? Зачем?»

«Затем. Не могу же я отпустить Тесея одного! Без охраны и надзора. Дедал из любой ситуации выкрутится—уж я-то знаю».

К сожалению, Вере скрепя сердце пришлось согласиться, хотя всё её существо протестовало против этого. Вера чувствовала неладное, но сделать ничего не могла.

Ариадна, разумеется, тоже это чувствовала, но она не привыкла отказываться от принятых решений—царевна была упряма, не склонна к сомнениям в собственной правоте. И рано утром после бессонной ночи, полной отчаянных споров, уговоров и сборов, парусник с Тесеем и Дедалом на борту покинул Кносс и направился к острову Тира, над которым уже сгустились тучи недоброй судьбы.

Глава семнадцатая,

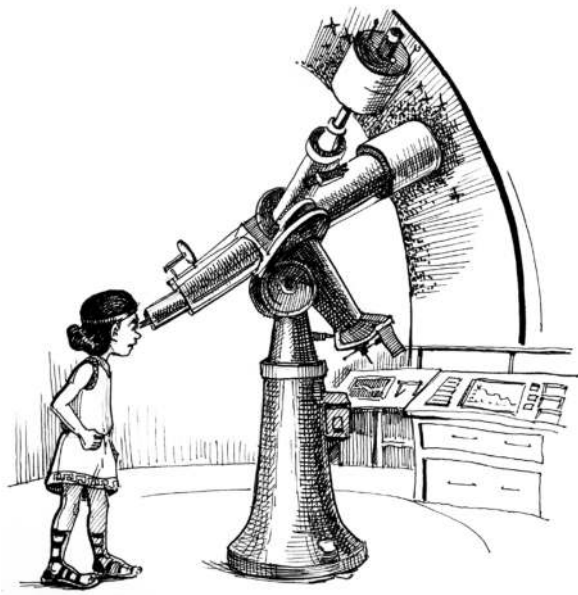
в которой Тесей и Парис заключают договор вечной дружбы, а во Дворце начинается Восхваление Цветов

Муза Урания отвела Париса в свою обитель—пещеру в подошве высокой-превысокой горы. На вершине горы находился храм Созерцания, башня с полупрозрачным куполом. Здесь Парису было показано множество непонятных предметов. В их устройстве новому ученику Урании предстояло разобраться—да так, чтобы свободно пользоваться ими и правильно истолковывать их состояние, знаки и прочие сообщения. На всё это отведено было семь дней и семь ночей. А ведь Парис никогда ничему толком не учился. Немного умел разбирать по слогам минойские и финикийские письмена. А тут... ему предлагали в невообразимо короткий срок стать настоящим знатоком! Учёным!

С вершины горы Корфа—за время обучения Парис несколько раз поднимался туда и вместе с Уранией, и один—впереди, справа и слева, видны были бесконечные воды Срединного моря, и только позади простирались холмы, покрытые кудрявым лиственным лесом.

—Мы на острове Тира, мальчик,—объяснила Урания.—Вот, посмотри, здесь видны его очертания,—она развернула перед Парисом папирус.—На что похоже?

Парис взгляделся в рисунок—в карту, составленную Уранией много сотен лет назад.

—На бычьи рога. Они повсюду на Крите.

—Да, это важнейший символ,—подтвердила Урания,—он указывает на связь каждого человека и всех людей с небесными явлениями.

Ночи—как нарочно—стояли ясные, небо над Корфой скоро стало казаться ученику музы-звездочёта открытой книгой, в которой каждый знак—большой или едва заметный, маленький,—говорил столь о многом, что мальчик едва успевал запоминать и связывать новое с огромной разветвлённой сетью знаков, уже отправленных Уранией в его молодую пытлившую голову. Жизнь Париса теперь была похожа на увлекательное путешествие в неведомые миры: инструменты Урании позволяли видеть небесные тела так близко, что Парис разглядел даже горы и долины на Луне, даже моря и реки на четвёртой от Солнца планете (спустя сотни лет люди назовут её Марсом)... а уж Солнце—Гелиос... Парис видел пятна в огненном океане, протуберанцы, похожие на раскалённые добела гигантские щупальца... Но самое главное—ему удалось понять, каким образом расположение звёзд и планет указывает на события мира, в котором он живёт. Возвышение и падение царств и правителей. Судьбы людей. Парис чувствовал, что его сознание, его собственное «я» как бы раздвигается, захватывая всё больше и больше сущностей, пространств и времён, и были минуты, когда ему становилось страшно!

Тогда он, тайком от Урании, уходил на берег моря и там, сидя под скалой, напомнимшей ему профиль Ястреба-Аполлона, предавался мечтам и воспоминаниям. То ему виделось милое лицо незнакомой девушки, которую несколько дней назад показала ему Афина, то в памяти всплывало бегство от человека в чёрном плаще, когда они с Верой, не помня себя, прыгали по ступеням

дворцовой лестницы, а потом неслись напролом в лесную чащу... Вера, Вера! Где же ты, Вера? Что с тобой?

Парис не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как боги забросили его на Тиру, в таинственный подземный чертог, где он познакомился с музами. Похоже, время для них, богов, совсем ничего не значило. Но теперь, когда он приблизился к познанию великих истин звёзд и планет, многое из того, что он прежде знал, стало видаться ему совсем в другом свете. Он чувствовал, что ему предстоит скромная, но незаменимая роль в игре, в которой его судьба непременно пересечётся не только с Верой, но и с Тесеем, афинским царевичем, о котором звёзды так много ему рассказывали.

Но он не ожидал, что это случится так скоро!

Следуя уже приобретённой здесь привычке, Парис бесцельно бродил по берегу моря недалеко от пещеры Урании. День клонился к вечеру, темнело... С востока, постепенно закрывая розовеющее на закате небо, тянулись серые тучи. Они становились всё толще, тяжелее, набухали, синяя, чернея, и, словно поленья в костре, начинали потрескивать и отсвечивать красным. Но Парис обратил на это внимание только тогда, когда почерневшее небо расскла гигантская молния, и громыхнуло так, что сотряслась земля под ногами. Парис едва успел укрыться под козырьком нависшей над тропинкой скалы, как на остров налетел шквалистый ветер, поднявший на море огромные волны, и, наконец, хлынул такой ливень, что, казалось, на скалу, под которой прятался Парис, обрушились все хлеба небесные. Мальчик нашёл неширокую щель в каменной стене, пробрался по ней куда-то вглубь, нащупал в темноте более или менее сухое место — и устроился, как сумел, чтобы переждать грозу.

Когда Парис проснулся, расщелина, в которой он задремал, была вся пронизана мерцающим лунным светом. Не слышно было ни ветра, ни дождя. Парис протёр глаза и быстренько выбрался наружу. На берегу было тихо и свежо. Взбитый дождём мокрый песок и ещё не успевшие подсохнуть камни влажно поблёскивали под круглой белой луной, чуть подёрнутой туманом. После бури и в лесу, и на море всегда наступает короткая пора безмятежности и покоя. И Парис потеплел и размяк было всей душой, как вдруг услышал в тишине слабый, прерывающийся, но всё-таки ясно различимый среди шороха волн и шелеста листьев человеческий стон.

У самой кромки воды ничком, уткнувшись в песок, лежал человек, обессиленный в борьбе с бурей. Парис перевернул его, попробовал привести в чувство... Наконец ему это удалось... И первое слово, которое потерпевший произнёс, разлепив наконец глаза, было:
— Пи-и-и-ить...

Парис сбегал в пещеру, взял первую подвернувшуюся под руку плоску, набрал воды из ближайшего родника и напоил страдальца, вернув его наконец окончательно в бодрствующее состояние. — Ты кто? — незнакомец уставился ещё полуслепыми глазами в склонившееся над ним лицо.

— Человек, — увильнул от ответа Парис, — не бойся.

Он помог парню подняться и, приняв на себя большую тяжесть тела спасённого, отвёл его в пещеру Урании.

Утром Урания, обедая строгим взглядом странство своей скромной обители, громким шёпотом осведомилась у Париса:

— Как это понимать?

— А что? — насупился Парис. — Надо было бросить его погибать на берегу? Он едва дышал.

— Это Тесей, — смягчилась Урания, взглядевшись в лицо спасённого, который хотя и пришёл в себя, но не имел сил даже внятно что-либо говорить. — Ах... ну, чему быть, того не миновать. Пойду — раскину карты. А ты, мальчик, позаботься о молодом афинском царё.

С этого момента занятия Париса с Уранией стали гораздо реже, потому что, по всей вероятности, бессмертные придавали большое значение разговорам троянца с молодым афинским царём.

Парис ухаживал за Тесеем со всем усердием, на которое только был способен, и спустя время спасённый царевич окончательно пришёл в себя и мог уже более или менее связно рассказать, что случилось с ним во время путешествия с Крита на Тир, которое меньше всего предполагало смертельное кораблекрушение. Но таково уж Срединное море! Как бы ни был проторён и короток путь, судьбы мореплавателей — во власти Посейдона. А он-то умеет организовать крах и гибель на море. Как, впрочем, и на суше. Но море — мир его безраздельной власти. Значит, всё дело — в нём.

— Чем провинился я перед Энносигеем, земли сотрясателем? — недоумевал Тесей. — Ведь ни разу я не отступил от его предначертаний!

— Каких предначертаний? — насторожился Парис, за время обучения у музы-звездочёта набравшийся всё-таки ума-разума.

Ему было только двенадцать лет, а Тесею не меньше двадцати, пожалуй. Но в силу сложившихся обстоятельств Тесей не мог ощущать своего превосходства над мальчиком, поэтому старался быть с ним на равных — ведь этот мальчик спас его от неминуемой гибели и теперь вёл себя так, будто ему известно, от чего зависит судьба и самого Тесея, и его друзей и недругов, а может быть, и всего подлунного мира.

Тесей вздохнул и решил начать с самого начала.

— Мать отправила меня к отцу, потому что во-круг царского дома в Афинах страсти до того

накалились, что Эгею надобно было разрешить окончательно вопрос с наследником. Что было делать? Я собрался и отправился в Афины.

— И по пути... все эти подвиги...

Тесей сдвинул брови и... рассмеялся:

— Какие подвиги? Я ехал верхом от Трезены до Афин с рассвета до вечера с коротким полуденным отдыхом. Почти до середины пути меня сопровождал мой друг и учитель, кентавр. Но в Афины я прибыл один, и Эгей встретил меня со всеми причитающимися почестями. Всё, что уже успели придумать о моём путешествии в Афинах... это, Парис,— пропаганда...

— Зачем?— удивился Парис.

— Зачем...— хмыкнул Тесей.— Чтобы придать наследнику вес!

— Да ты и так,— Парис обвёл взглядом могучий торс Тесея,— не худенький...

— Это не тот вес...— Тесей снова нахмурился.—

Эгею нужны были доказательства, что я— единственно достойный наследник Афинского царского дома, молодой афинский царь. И, как видишь, ему это удалось. Но всё же для богов этих фантазий, видимо, оказалось недостаточно. И Эгей решил отправить меня на Крит. Я должен был во что бы то ни стало...— Тесей тоже понизил голос и потупил взор,— найти Дедала и выманить его в Афины. Как видишь, в этом я почти преуспел.

— Да. Почти,— Парис поёжился.— Кто же из бес- смертных встал у тебя на пути? Уж точно не Афина. Посейдон? Но он-то чего от тебя хочет?

— Вот и я не пойму... жду ответа.

— Будет ответ,— Парис посмотрел на вечеряющее небо, по которому расплзались розовые перья облаков.— А пока тебе надо просто набраться сил. Так?

— Мальчик!— воскликнул Тесей, которого вдруг охватила волна незнакомого ему прежде воодушевления.— Клянусь, если судьба поставит тебя на край пропасти, как сейчас поставила меня,— тот, кто, невзирая на опасности и угрозы, ринется тебе на помощь, будет Тесей Афинский!

У Париса— он был дитя и мог ещё себе это позволить— слёзы хлынули. Он обнял Тесея, как старшего брата, и сердце его отозвалось такою же клятвой.

Ночью, когда Тесей уснул беспокойным сном в пещере Урании, Парис поднялся на вершину Корфы— в храм Созерцания⁵. Там, в полукруглом зале с такими же зеркальными стенами, как в чертоге «Тауруса», где Парис разговаривал с богами, он уже мог самостоятельно, без помощи и надзора Урании, обратиться к звёздам и получить ответы на свои вопросы. Правда, чтобы получить ответ, нужно было правильно составить вопрос. А это уже не просто наука. Это высокое искусство. Как, впрочем, и толкование ответов. К этому нужно иметь склонность и способности.

Урания убедила Париса, что этими качествами он наделён от рождения, так что ему следует доверять собственному чутью.

Над храмом Созерцания и днём, и ночью мерцало огромное голубоватое облако в виде чаши, но в темноте, когда работали все храмовые приборы, оно сияло так, что в небо поднимался широкий сноп лучей, которым юный звездочёт управлял, как всадник управляет умной лошастью. Перед ним, над чёрной доской, испещрённой светлыми письменами, стояло большое прямоугольное зеркало. На нём, по воле Париса, возникали и исчезали всевозможные образы⁶. Для того, чтобы они появились, надо было определённым образом настроить четыре уходящие сквозь потолок в чашу над храмом узкие трубы, в смотровые отверстия которых были вставлены круглые прозрачные кусочки какого-то чудесного материала. Глядя в такую трубу, Парис мог приблизить изображение, например, Луны настолько, что ему были видны камешки на её поверхности— так, словно они были разбросаны прямо у него под ногами. Это было чудо! Но ведь Парис уже понял, что значит иметь дело с богами!

.....

5. Мы с тобой, читатель, сейчас назвали бы это сооружение обсерваторией— сооружением, используемым для наблюдения и слежения за различными объектами и явлениями на Земле и в космосе.

6. Мы с тобой, читатель, назвали бы это экраном монитора.

Чтобы распознать кое-что о судьбе конкретного человека, нужно было составить известного свойства текст из букв и картинок, при помощи твёрдо выученных Парисом действий вывести этот текст на экран и настроить трубы так, чтобы их показания соотносились с данными, которые заранее были обработаны и введены. Честно говоря, читатель, я сама в этом не очень-то разбираюсь. Но ведь меня не обучала муза звездочётов Урания, а Парис овладел её искусством если и не в совершенстве, то, по крайней мере, в роли талантливого успешного ученика. Но даже ему теперь было невдомёк, с какой глубиной, не постижимой его разумом тайной он соприкасается, пытаюсь понять, что за судьба ожидает «молодого афинского царя» в ближайшее время. Лучи всех четырёх труб, сканирующих (прости, читатель, этот анахронизм!?) звёздное небо с севера на юг и с востока на запад, наконец пересеклись в одной точке, и на экране перед изумлённым Парисом замелькали изображения, смысл которых он не в состоянии был истолковать. Он видел Тесея в каких-то невероятных облачениях среди странно одетых людей и сооружений—при этом рядом с ним, с Тесеём, что-то постоянно горело, рушилось, воздвигалось и снова рушилось. Мир, в котором обнаруживался Тесей, был всякий раз другой, незнакомый, то чудовищный, то манящий своей красотой и благоустроенностью, только сам Тесей всё время был один и тот же. Но то, что ждёт «молодого афинского царя» завтра или послезавтра, по-прежнему оставалось загадкой. Ответа не было.

«Наверное, я неправильно спрашиваю»,—опечалился Парис, покидая храм Созерцания.

По едва заметной тропке он спустился с вершины Корфы к пещере Урании и присел отдохнуть на замшелый валун под ореховым кустом недалеко от входа. Ночь была тихая, с моря тянул солоноватый вечерний ветер, и Парису больше всего хотелось отвлечься—хотя бы на час-другой—от сложных соображений, касающихся всего того, что он только что увидел в храме. Парис даже, кажется, задремал, но тут рядом с ним послышался шелест тяжёлых шёлковых одежд, и муза-звездочёт опустила на его голову свою тёплую, но почти невесомую ладонь.

— Не расстраивайся, мальчик, не всё, что надобно знать, звёзды открывают сразу.

Парис вздохнул, а Урания продолжала:

— Позавчера Тесей отправился из Кносса вместе с Дедалом. Как думаешь, где теперь Дедал?

— Даже подумать страшно,—поёжившись, признался Парис.

— Ничего не страшно. Он жив,—Урания и бровью не повела.

Парис взглянул на её спокойное приветливое лицо, поднял глаза к небу, отыскал взглядом Сириус (так мы называем теперь эту яркую звезду) и незаметно для Урании сжал кулаки.

Ну что ж, читатель, оставим на время остров Тиру. Ведь пока Парис ведёт учёные беседы с покровительницей звездочётов, в Кноссе начинается праздник Восхваления Цветов.

Рано-рано утром, когда небо над Срединным морем только стало светлеть, все ворота и двери Дворца распахнулись, и к нему со всех сторон потянулись процессии и повозки, украшенные зелёными ветвями, цветочными гириандами и венками. На площадях и галереях Дворца расставлены были помосты и скамьи с кувшинами и чашами, наполненными фруктовыми и ягодными соками, нектарами, взварами и другими напитками, названия которых Вера так и не удосужилась узнать. Здесь же на подносах и в бесчисленных мисках призывно благоухали всевозможные кушанья: лепёшки, сыр, сладкие шарики из творога и теста, яблоки, вяленый виноград... И всюду-всюду—цветы: крупные и мелкие розы, лилии, маргаритки... белые, розовые, бордовые, лиловые, голубые... Смешанный аромат цветов и яств был настолько силён, что кружилась голова!

Шалея от любопытства, Вера перебежала среди весёлой разномастной толпы, разодетой по последнему писклу здешней моды, от одной повозки к другой, от одного шатра к другому и не могла надивиться изобретательности и смелости стихийных художников Крита.

Вот по дороге, ведущей от пристани к южным воротам Дворца, движется лёгкая тележка, вся обвитая виноградными лозами с широкими разлапистыми листьями, в тележке—юноша в венке из таких же листьев и накидке из пятнистой шкуры. Ой! А что это? кто это? Тележку тянут... звери—не звери... птицы—не птицы... «Это грифоны»,—слышит Вера насмешливый голос Ариадны... Выступают важно мощными львиными лапами, слегка приподнимая полуперстистые-полупернатые крылья, кивают клювами направо и налево, чуть кося огромными чёрными глазами... Тележка окружена целой толпой девушек в полупрозрачных платьях из какой-то тонкой ткани («Похожя, неземного происхождения»,—предположила Вера, потому что не могла сообразить, из какого материала можно было сделать такую ткань здесь, в царстве Миноса, за тысячи лет до того, как люди научились изготавливать искусственное волокно). Девушки на ходу поют и пританцовывают, а парень благосклонно улыбается и машет—им и попутчикам-зрителям, которые приветствуют его криками и тоже радостно пританцовывают.

7. Распространённая писательская ошибка, когда понятия одной исторической эпохи без всякого объяснения переносятся в эпоху другую.

— Ах! Ах! Ах!—кричат девушки, а между возгласами бьют ладошками в бубны, издающие сухие дребезжащие ритмичные звуки.

«Что же они ахают-то?»—Вера не могла взять в толк, почему эти «ахи» сочетаются с неудержимым весельем, пока не расслышала ясно...

— Вахх! Вахх! Вахх!

Так это они Вахха чувствуют, то есть Диониса—бога веселья! Теперь понятно!

Какая-то девчонка, вся обвитая лианами хмеля и виноградными листьями, подскочила к ней и, громко смеясь, надела ей на голову пышный веночек из трав и мелких, пахнущих мёдом белых цветов.

— Пойдём с нами славить Вахха!

«Не поддавайся!»—услышала Вера насмешливый голос Ариадны, свой „внутренний голос“.—Иди к северным воротам. Жду тебя там».

Вера быстро, насколько ей это удавалось в толпе, побежала к северным воротам, краем глаза отметив для себя, что туда же несколько взрослых мужчин гонят здоровенных белых и рыжих быков с позолоченными рогами и в упряжи, украшенной оливковыми ветвями и жёлтыми лилиями. Звуки флейт и барабанов становились всё громче. Вера почувствовала, как всеобщее веселье овладевает ею, а ножки всё резвее несут её туда, где уже начинаются главные события Восхваления Цветов.

Глава восемнадцатая,

*в которой Вера поневоле переживает
приключение Европы и попадает в темницу*

Сразу за северными воротами начиналась обширная сосновая роща. На большой поляне, надёжно укрытой хвойными ветвями от палящего полуденного солнца, толпились нарядные миноиды. Они смеялись, разговаривали, подтрунивали друг над другом, кто-то пел, кто-то насвистывал. Под опухшими широченными сосновыми лапами стоял равномерный праздничный шум. Посреди поляны виднелось сооружение, напоминавшее Вере школьный самодеятельный театр: собранные из деревянных щитов высокие ширмы, две из которых немного прикрывали третью справа и слева. Перед ними—хорошо утоптанная и даже кое-где присыпанная песком площадка, границы которой совравшиеся добросовестно соблюдали. Очень похоже на сцену с кулисами.

Вера сразу увидела Ариадну. Та стояла в окружении разновозрастных родственниц возле высоких корзин с цветами и лепестками. Время от времени к ним подбегали разные детишки—двуногие, четвероногие и на гусеничном ходу (так Вера иногда—про себя—называла драгайнов), наполняли корзинки лепестками и убегали, чтобы разбрасывать эти письма цветов в шумной пёстрой толпе, ожидающей представления.

«Где ты была?»—с деланной строгостью осведомилась Ариадна.

«Будто не знаешь...»—весело отозвалась Вера.

Обе мысленно рассмеялись, и Вера почувствовала такую огромную, вселенскую любовь и к своему второму «я», и к этим цветам, и к странным существам, которые её окружали, и к этому чудесному миру, и ко всему миру—*вообще*... к миру, в котором десятки тысяч лет спустя есть её мама, и папа, и Красноярск, и двухэтажный дом на улице Ленинградской, где она, бездельничая на балконе, пыталась нарисовать воробья...

Пока Вера переживала все эти сложные чувства, издали донесли звуки флейт и бубнов. Они становились всё громче и громче. И вот из-за деревьев показалась праздничная процессия. Впереди уже знакомой Вере тележки, запряжённой двумя грифонами, которые нет-нет да порываются взлететь, бегут вприпрыжку какие-то лохматые дядьки—с рогами во лбу и копытами вместо ступней, а по сторонам столь же резво пританцовывают на бегу девушки с бубнами. Бьют в бубны и, задыхаясь от возбуждения и смеха, кричат:

— Вэй! Вэй! Вахх! Вахх! Вахх!

В тележке—под навесом из сосновых ветвей—восседает сам Дионис-Вахх в пятнистой барсовой шкуре и с железом, увенчанном сосновой шишкой.

Вот Ваххова свита приблизилась, грифоны остановились, высокомерно, вполглаза, разглядывая неистовствующую от восторга толпу. Дионис—как шоу-звезда,—благоклонно раскланиваясь, сошёл с повозки и, раскрывая на ходу объятия, направился к Ариадне. Но тут же опешил, разглядев наконец Веру прямо перед собой.

— Не беспокойся, Эван⁸,—улыбнулась Ариадна,—предназначение сбылось!

Дионис расплылся такой всепобеждающей улыбкой, что у Веры защекотало между лопатками и почему-то захотелось плакать.

Однако пока они так взаимно раскланивались, над поляной взревели трубы—и повсюду мгновенно воцарилась тишина.

Со стороны Дворца—из-за поворота неширокой, но плотно утоптанной дороги, высоко завешенной тенистыми ветвями («Это священные платаны»,—беззвучно подсказала Ариадна),—показалось новое шествие. Впереди плавно выступали семь девушек в белых и сиреневых одеждах. Девушки на вытянутых руках несли пышную гирлянду из хмеля и плюща, перевитую красными лентами и усыпанную розовыми и белыми цветами. Следом шагали в два ряда четырнадцать дворцовых стражниц, вооружённых копьями и щитами, но вместо боевых шлемов их кудрявые головы украшали маковые венки, тоже перевитые разноцветными лентами, которые

8. Эван—прозвище Диониса.

свободно спадали девушкам на плечи. Затем — явно возвышаясь над свитой — рука об руку шли царь и царица, прекрасные и величественные, как всегда. За ними — ещё два ряда стражниц, а дальше — разномастной жизнерадостной толпой — родственники и приближённые царской семьи, всевозможные вельможи, придворные, служащие Дворца и гости — с цветами в руках и на головах, с гроздьями ягод в корзинах и сосудах. Замыкали процессию несколько быков — тех самых, которых Вера видела по дороге. Рядом с великолепными животными, упитанными, но в то же время тренированными — мускулы так и играли у каждого под кожей, — резво бежали кентавры с кнутами и верёвочными лассо, а также смуглые юноши в набедренных повязках. Это были акробаты, участники тавромахий⁹, которые, как обычно, должны были венчать всё празднество. Длинные чёрные и русые волосы юношей были заплетены во множество косичек, которые, словно змеи, шевелились на загорелых плечах и спинах.

«Как на фресках в Лабиринте», — подумала Вера, но снова грянула музыка, и её внимание переключилось на происходящее вокруг «театра».

Пока царская чета и свита, отдав должные почести Дионису, устраивались на скамьях, расставленных на поляне, остальные рассаживались

9. Тавромахия — игра человека с быком. Тавромахии были широко распространены на Крите и часто бывали смертельно опасными.

кто где успел, нетерпеливо переговариваясь в ожидании зрелища.

Наконец всё было готово к праздничному представлению. Царица Пасифая встала и взмахнула алым платком.

Как тысяча сердитых дятлов, застучали маленькие барабаны, и на площадке перед «кулисами» появился закутанный в чёрное человек, лицо которого было закрыто белой маской с чёрными прорезями для глаз и рта. Его фигура была неестественно вытянута, и он казался чрезмерно высоким. Гиперборейцы — так между собой называли друг друга представители царского рода, Минос и его ближайшие родственники, — были очень рослыми, значительно превосходили ростом обычных жителей Крита, но они выглядели вполне себе натурально, а тут было видно, что рост человека нарочно подчёркнут.

«Он стоит на котурнах, — пояснила Ариадна, — чтобы зрители могли лучше видеть его и чтобы показать, что это герой, важная персона!»

«Красивое слово!»

«Котурны-то? Да. Очень красивое. Это такие деревянные штуки вроде сандалей на больших подставках-платформах. Двигаться на них почти невозможно. Так ведь по оркестре — по площадке, на которой происходит действие, — и не двигаются почти. Так — шаг влево, шаг вправо... — она засмеялась. — Кстати, и маска на нём для того, чтобы чувство, которое по ходу действия должно быть на лице, видели зрители даже издали, и само это чувство — скорее символ чувства, а не весь тот букет, который испытывает в разных ситуациях обычный человек. К тому же маска действует как рупор. Чтобы все всё слышали.»

И правда — воздев руки к небу, человек взвыл так, словно каждое его слово, прежде чем достичь слуха зрителей, прошло через длинную трубу. Вера даже не сразу смогла различить в этом гудении отдельные слова. Но потом привыкла и стала следить за представлением с возрастающим любопытством.

Зачем, о Неизбежность,
Змею вложила в сердце ты моё? —

протрубил лицедей. —

Я знал, кто мне приятель, кто мне враг,
Кому доверить я могу все тайны
И разума, и сердца моего,
А кто, когда опасность приключится,
Против меня их тут же обернёт,
А значит, нужно сохранять молчанье...
Теперь же... о!!! как быть мне? Как мне быть?
Друзей отныне нет у Прометея!
Лишь паства неразумная... а друг,
Мой друг, мой брат — врагом оборотился
И требует отречься от того,
Чему я участь посвятил земную!

Тут лицедей прижал руки к груди и зарыдал столь энергично, что сосновые лапы над его головой вздрогнули, как от ветра, а у самых чувствительных зрителей закапали слёзы. Вера оглянулась, чтобы отметить для себя, как на всё это реагирует Дионис, поэтому и не поймала момент, когда на оркестре появился второй лицедей. Вакх чуть-чуть шевелил уголками пухлых розовых губ, так что непонятно было — засмеётся он сию минуту или заплачет. Между тем второй лицедей затянул свое:

Не знал ты разве истину, отец,
Что хуже всяких бед — и вместе взятых —
Препятствовать превосходящей силе?
Смирись! Не то, гляди, и слабых нас —
Твоё едва прозревшее создание —
Суровейшая не минует кара
За злую неуступчивость твою!

(«За жестоковийность!») — Вере немедленно пришло на ум трудное слово, которое она услышала от Гермеса.)

Первый лицедей ответил жестом, который Вера так и не смогла истолковать, и возопил ещё громче:

С бесчестием мириться и обманом?
Терпеть несправедливость? Для чего
В нас ум вложил и дал пути познания
Творец начал, несотворённый разум?
Я сделал вас, мой сын Девкалион,
Соравными бессмертным — что ж теперь
Подобно стаду жалкому влачитесь
Вы, гордость позабыв, во тьме земной?

Лицедей, названный Девкалионом, в ужасе прижал руки к лицу (то есть к маске, изображавшей страдальческую гримасу), и загудел:

И себя, и нас погубишь!
Обнаружит Зевс пропажу —
Кто от гневного Кронида
Нас, несчастных, защитит?

Первый горестно покачал головой:

Всё, что я намерен сделать,
Людям делаю во благо,
Смертным людям — во спасенье,
Но — увы! — назло богам!
Порицанья ли достоин
Тот, кто, жертвуя собою,
На земле другие жертвы
Навсегда предотвратил?

Тут с левой стороны оркестры появились девушки в чёрных плащах и в чёрных головных накидках. Они медленно двигались к середине площадки, нестройно причитая нараспев:

Для чего нам испытание такое?
Покоя хотим, только покоя.
Дерзость к погибели ведёт.

Послушание защиту даёт.
Верни, что взял, Прометей.
Своих защити детей.

— Ой-ё-ёй... ай-я-яй... — вопили плакальщицы, а с противоположной стороны им навстречу уже шли другие девушки — в белых плащах — и громко восклицали:

Не сдавайся, сопротивляйся!
Помни, кто ты и кто твой отец!
Человек! Творенья венец!
Помни, кто ты, земли и неба дитя!
Будь собою, страдая или шутя!
К звёздам, к воле веди, Прометей,
Сильных, верных своих детей!

«Прометей... — подумала Вера. — Ну да... как же!» Этот миф она как раз прекрасно помнила. Прометей украл у Зевса огонь и за это был наказан — прикован к скале навеки.

«Это позднее так назвали — „огонь“, — тут же отреагировала Ариадна. — На самом деле никто не знает, из-за чего Прометей поссорился с Зевсом. Уже третье лето подряд Мельпомена разыгрывает во время Восхваления Цветов именно эту драму. Что она хочет этим сказать царю и народу?»

«Кто-кто? Мель... по...»

«Мельпомена! Помощница Феба Аполлона. Муза. Устроительница представлений, — Ариадна обвела глазами поляну вокруг оркестры и взглядом указала Вере на высокую тёмную фигуру у правой ширмы. — Мельпомена никогда не упускает случая показаться людям на представлении, но всегда держит своё участие в секрете. Немногие способны узнать её среди гостей».

Вера попыталась получше рассмотреть Мельпомену, и какое-то смутное предчувствие кольнуло её сердце.

Девочка перевела взгляд на царскую чету. Минос явно нервничал. По мере того как на оркестре развивалось действие: Прометей и Девкалион препирались относительно гордости и смирения, а хор — справа и слева — бурно поддерживал то того, то другого, — Минос становился всё мрачнее. Казалось, он был близок к тому, чтобы встать и удалиться. И тем самым прекратить представление.

«Что с ним?» — Вера подумала, что Ариадна, скорее всего, постарается уклониться от ответа, но та ответила моментально:

«Это ведь ему послание. Очень жёсткое... Напоминание и предупреждение. Но Минос слишком непоследователен в своей политике. Ни с кем не хочет ссориться. Ни с Зевсом, ни с Прометеем. Увы... терпению бессмертных приходит конец. Они дают понять. Вот отец и сердится. Вернее, делает вид, что сердится, а на самом деле — просто не знает, как быть».

«А ты знаешь?»

«Я?—Ариадна мысленно усмехнулась (мысленная усмешка никак не отразилась на её прекрасном лице, но Вера всё поняла, не сомневаясь!).— Конечно. На месте отца я сделала бы всё возможное и невозможное, чтобы найти Прометея... Заметь, никто не знает, где он—то ли скрывается, то ли в плену... Найти Прометея и договориться с ним».

«Против Зевса?»—изумилась Вера.

«Почему—против? Скорее всего, когда всё закончится по-хорошему, он и сам признает, что правда была на нашей стороне».

«Что—всё?»—не унималась Вера.

«То всё,—невозмутимо парировала Ариадна,—из-за чего они поссорились. А это, Вера, и для меня загадка. Минос, конечно, знает, но никому не говорит. Это—такая тайна, что даже спрашивать о ней—великая дерзость. А тут Мельпомена уже третий раз намекает. Придешь от этого в ярость!»

За увлекательной мысленной беседой они совершенно перестали следить за представлением, как вдруг где-то позади—там, где только что смиренно стояли быки и акробаты,—раздались отчаянные вопли, визг, стук и грохот переворачиваемых скамеек и опрокинутых сосудов с цветами.—А-а-а-а-а... О-о-о-о... У-у-у-у-у... Держи! Хватай! Лови!

Вся поляна моментально пришла в движение. Люди вскочили с мест: что случилось? где? почему?

Прямо на оркестру, с разбегу раскидав по стономам лицедеев и хор, влетел здоровенный золотисто-пегий бык. Остановился, покрутил высоколобой рогатой головой, ударил о землю копытом и—ринулся прямо на зрителей. Те, конечно,—врассыпную.

—Держи его!

Два кентавра пытались заарканить быка, забегая то справа, то слева, но у них ничего не получалось—тот уворачивался всякий раз, как верёвка свистела у него над ухом. При этом видно было, что бык вовсе не разъярён, чтобы всё крушить и ломать на своём пути. Он... играл. Да-да! Он просто играл, веселясь от избытка сил и отваги. Правда, опасной была эта игра, но разве в сфере... э-э-э... «высоких достижений» бывает что-нибудь безопасное? Участники Восхваления Цветов, удивившись в реальности Игры, перестали бояться и—наоборот!—моментально разделились на фанатов быка и фанатов кентавра, который пытался его заарканить.

—А-а-а-а... О-о-о-о... У-у-у-у... Давай-давай... справа... слева заходи... Берегись, тельче...¹⁰—неслось со всех сторон.

Но Минос, похоже, не разделял общего веселья. Он раздражённо поднялся со своего места, кивнул сидевшим рядом гостям и молча удалился в

сопровождении расстроенной Пасифаи и ближайшей свиты. На вечеряющее небо вдруг набежала мохнатая синяя туча, вдалеке громыхнула. Над головами разгорячённых зрителей пронеслась колесница Диониса, увлекаемая невозмутимыми грифонами. Вахх смотрел вниз, на ликующую толпу, и хохотал, опрокидывая над головами кувшины с вином и разбавленным водою мёдом.

—Вера, бежим!—вдруг в голос закричала Ариадна и схватила Веру за руку.

Тут только Вера заметила, что бык на всех парах несётся прямо к ним. Она бы и хотела отскочить, но, будто замороженная, не могла двинуться с места. Дальше всё происходило как в замедленном кино. Бык резко затормозил прямо перед ней и уставился ей в глаза совершенно осмысленным, игриво-призывным взглядом...

—Вера!!!—кричала Ариадна и за руку тянула её к себе.

Но Вера словно остолбенела. Бык приблизился почти вплотную, широко расставив передние ноги, низко опустил голову и в одно мгновение поддел позолоченным рогом шёлковую ленту, которой в несколько рядов было перепоясано Верино платье. Ариадна попыталась удержать своё второе «я», обхватив её за талию, но бык—без малейшего усилия—подбросил Веру над собой, так что она тяжело и нелепо шмякнулась ему на спину, уже почти не соображая, что происходит, и—рванул прочь с такой скоростью, что все предметы вокруг ошалевшей от неожиданности пленницы слились в монотонный расплывчато-разноцветный фон. Вера зажмурилась и—уже в который раз—решила довериться существующему порядку вещей.

«Ве...ра...пры...гай...—Ариадна у неё в голове заходила истерическим криком.—Ве...ра...»

Но Веру так прижало к спине быка, что она и пошевелиться не могла. Ариадна, театральная поляна, Дворец... да и сам остров Крит, пожалуй, остались далеко позади...

«Лечу со скоростью звука...—Вера боялась открыть глаза.—Или даже... со скоростью света...»

Бык мчался так, словно действительно собирался в ближайшее время переместиться вместе с Верой на другую планету. Его горячее тело жутко и в то же время с электрической надёжностью вибрировало и гудело под Вериними ладошками и коленками. Но самое скверное было в том, что Вера не только перестала чувствовать присутствие Ариадны, но и утратила никогда прежде не прерывавшееся ощущение связи с родным миром. За всё время пребывания на острове она никогда не теряла смутного, сомнительного, но всё-таки очевидного присутствия границы... как будто было какое-то положение её тела относительно имевшихся рядом предметов, благодаря которому она могла находиться одновременно в двух мирах: и в своих дворцовых покоях, и в собственной

10. Тельче—звательный падеж от гиперборейского «телец», то есть бык.

комнате в Красноярске... и в мастерской Дедала, и у себя дома на балконе... Даже когда она была деревом, это чувство — где-то далеко-далеко, на краю сознания, но всё же трепыхалось в ней. А теперь она его утратила. Слово скорость, прижавшая её к спине быка, насильно оторвала и отодвинула от неё родной дом. Слово кто-то грозный и всеильный дал ей понять, что игры и шутки кончились. Слово её, поведив вокруг да около, поставили перед настоящим испытанием. Вот что было страшно. И Вера чуть не заплакала.

Но тут бык со всего размаху бухнулся в воду. Вера смыло волной с его спины, и она стала тонуть, захлёбываясь солоновато-горькой влагой, размахивая руками и пытаясь кричать «спасите-помогите!». Когда она изнемогла настолько, что была уже готова смиренно пойти ко дну, откуда-то снизу, прямо у неё из-под ног, поднялся огромный воздушный пузырь. Вера не заметила, как оказалась внутри всего этого воздуха и, подобно невесомому пёрышку, повисла посередине, проделывая медленно опускаться вместе с пузырём.

Теперь она могла дышать, и приобретённый на острове инстинкт «ничему-не-удивляюсь-просто-наблюдаю» вернул ей способность рассматривать и обдумывать то, что происходит вокруг. Ей по-прежнему было страшно... ужасно страшно... но когда прямо перед тобой из полупрозрачного зеленовато-голубого пространства выплывает огромная рыба морда с четырьмя парами серебристых усов по бокам ритмично открывающегося и закрывающегося беззубого рта... выплывает и тарачится на тебя круглыми жёлтыми глазами... или стайки красных и синих рыбок сопровождают твоё движение затейливым хороводом... или вдруг совершенно человеческие лица и совершенно человеческие ладони облепляют со всех сторон твоей неожиданной батискафа, и ты не сразу замечаешь, что от человеческих рук эти ладони отличаются лягушечьими перепонками между пальцами, а от человеческих тел эти тела — рыбьими хвостами вместо ног... впрочем, после кентавров, драгайнов, грифонов и дактилей — сирены, дюгоны и морские нимфы вовсе не воспринимались как нечто невероятное... скорее, морские обитатели изумлялись Вере, тихо опускающейся в воздушном пузыре сквозь привычную для них среду обитания.

Вот из тёмно-зелёной глубины поднялся громадного роста косматый дед, похожий на лешего, с рыбьим хвостом, игольчатым спинным плавником и шевелящимися жабрами на морщинистой шее. Оглядел Верину плавательное средство справа и слева, нахмурился огорчённо, покачал головой и — р-р-раз... взмахнул хвостом и в одно мгновение снова скрылся вниз.

Неизвестно, сколько времени продолжалось бы это умиротворяющее погружение, но вдруг совсем близко впереди что-то ярко вспыхнуло, раздался

резкий хлопок, в лицо Вере снова хлынула вода, и непреодолимой силы водоворот втянул её в узкую каменную трубу...

Бац... бац... хлопок... ой!.. о-ё-ёй!..

Вера больно ударилась лбом и коленками обо что-то холодное и твёрдое — и на несколько секунд даже потеряла сознание. Открыла глаза и тут же поняла, что могла бы их и не открывать. Всё равно ничего не было видно. Совсем ничего. Непроглядная тьма. В буквальном смысле слова. Вытянув перед собой руку, Вера не смогла разглядеть даже собственные пальцы. Дышать было можно, хотя воздух, тяжёлый, сырой и какой-то... затхлый, не вызывал желания вдохнуть полной грудью. Вера попыталась сесть, неловко повернулась, и тут что-то ребольно кольнуло её в бок.

Ах вот оно что! Нашарив в складках ленты, опоясывающей платье, крошечный остаток карандаша, Вера вскрикнула от радости. Ну конечно! Видимо, Зои, всегда и везде предполагавшая возможную неприятность, помогая Вере одеться к празднику, спрятала карандашик в её наряде.

Но чем же теперь он может помочь? Нет ничего, на чём можно было бы рисовать... Да и как рисовать в полной темноте?

Вере снова захотелось плакать. Но она взяла себя в руки... подумала-подумала... и решила нарисовать что-нибудь у себя на ладошке. На ощупь. Да-да... Смешно, конечно. Но попытка — не пытка.

Что же нарисовать-то?.. что сейчас самое необходимое и в то же время самое простое? Конечно, свет! Но как нарисовать... свет?

Не придумав ничего лучшего, Вера обвела карандашом середину левой ладони и в центре невидимого овала поставила жирную точку. Чтобы получился глаз.

И—чудо! Карандашик «понял» её замысел! Глаз на Вериной ладонке сначала сам просветлел, моргнул пару раз, а потом из него прямо вверх ударил яркий луч света. Вера наконец-то смогла осмотреться.

— Ничего себе,— невольно вырвалось у неё.— Теперь понятно, что такое... застенки... темница... тюрьма... узилище... а я, значит, узница... «Сижу за решёткой в темнице сырой...»

Правда, никакой решётки в этой темнице не было. Не было ничего, что хотя бы отчасти напоминало окно. Высоко-высоко над Вериной макушкой нависал тёмный каменный свод. Вера рассматривала стены, влажно мерцавшие под световым лучом, исходящим из её ладони, и её пробирала дрожь. Да. Действительно, каменный мешок. Узкий, безвыходный и безнадежный. Наша храбрая путешественница замурована в камень. Не больше и не меньше. Темнота и полная тишина. Кажется, Вера слышала только удары собственного сердца. К тому же становилось всё холоднее и холоднее. Вера сжалась в комочек, упёршись лбом в колени и крепко обхватив их руками. Она изо всех сил старалась сосредоточиться на собственных мыслях, чтобы уловить хотя бы слабую ниточку связи с Ариадной... но—нет. Её только сильнее трясло от страха и холода. Всё, что у неё было теперь,— крошечный глазок на ладонке, единственный источник света и... да!.. и тепла! Когда Вера сжимала кулачок, огонёк на ладонке, конечно,

закрывался, но зато начинал ощутимо греть. Значит— что? Значит, Вера всё равно— не одна! Кто-то явно заботится о ней даже в таком безвыходном положении. Эта мысль немного успокоила её, и она, чтобы хоть чем-то занять себя, стала при помощи негасимого огонька на ладонке камень за камнем методично исследовать своё «узилище».

И вот— в пятнышко света попал еле заметный движущийся объект. Это был серый паучок-косиножка. Он еле-еле перебирал тоненькими лапками, под которыми слабо мерцали ниточки паутины.

Надо ли говорить, что Вера обрадовалась ему, как старому знакомому?! Чужое, странное, но ведь живое существо!

Однако... Вере стоило бы насторожиться! Змейки, собачки, птички... даже листики... в этом удивительном мире, к которому Вера почти привыкла, не попадают в поле зрения просто так.

Паук вместе с паутиной стал расти-расти, расплозаясь по стене и приобретая форму огромного лица с белёсыми космами взлохмаченных волос, крючковатым носом, чёрными провалами глаз и длинным извилистым ртом.

— Наигралась, голубушка?!— пророкотала голова и нахмурилась, сдвинув к переносице сизые, словно пеплом покрытые брови.

— Что вам от меня нужно?— Вера вскочила, сжав кулачки.

Свет в её ладонке сразу сморщился и погас, но от лица на стене исходило мертвенное холодное сияние, так что выражение его Вера ясно различала. — Не притворяйся! Ты знаешь— что. Перестань вмешиваться в наши дела! Они тебя не касаются.

— Что значит— перестань? Очень нужны мне ваши дела! Вы все— непонятно кто— ворвались в мою жизнь, перевернули всё в ней с ног на голову, ничего не объясняя, втянули в какую-то драку, а теперь, оказывается, я вмешиваюсь в ваши дела!

В ответ лицо медленно сползло со стены на каменный пол, свернулось в клубок, и вот уже серебристый единорог... или, скорее, тень единорога стоит перед Верой.

— Непослушная девочка!— единорог покачал головой.— Тебе уже не раз предлагали покончить с недоразумением раз и навсегда. С недоразумением, слышишь? То, что ты сюда попала,— нелепая случайность, произошедшая по вине недобросовестных служащих Лабиринта. Но ты давно уже могла всё исправить одним лишь изъявлением желания. Исчезнуть отсюда и всё-всё-всё забыть. Раз и навсегда! Пойми! Сейчас тебе даётся последний шанс вернуться домой. Только скажи— честно, искренне!— что ты этого хочешь.

Вера молчала, по-прежнему стиснув кулачки.

Единорог раздражённо топнул копытом, тень его снова склубилась в бесформенное облако, и Вере в лицо зашипела огромная кобра с раздувшимся от ярости капюшоном:

— Так с-слуш-ш-шай, упрямая девчонка! Или ты сейчас-с-с же отправиш-ш-шьс-ся домой по с-с-собственному желанию, или ос-с-станеш-ш-шьс-ся здес-с-сь навс-с-с-сегда... Без еды, воды, тепла и с-с-света. И мы тут ни при чём. Ни при чём. Ну?! Что с-с-скажеш-ш-ш-шь?

Вера, потупившись, молчала и чувствовала только, как маленький горячий огонёк щекочет её ладошку. Да уж. Добро не бывает таким страшным. Правда ведь? А если бывает? Если сейчас ты совершишь ошибку, цена которой — жизнь? Вера представила, каково это — замерзать в темнице... в полном одиночестве... её передёрнуло от ужаса и возмущения... но горячий огонёк в кулачке отдавался теплом в её сердце. Ровно и уверенно... — Ну-у-у? Да-а-а? Yes-s-s? — кобра нависла над ней вопросительным знаком.

Вера подняла голову, нашла взглядом мерцающие зеленоватым блеском узкие змеиные глаза, собралась с духом и громко, отчётливо сказала: — *Нет!*

Глава девятнадцатая,

в которой Ариадна ищет Тесея, Икар и Тесей ищут выход из сложившейся ситуации, а Парис попадает на «Таурус»

Тем временем во Дворце вот уже несколько дней подряд царил переполох, граничащий с паникой. Похищение Веры укрепило Миноса в подозрении, что его дела в последнее время находятся под неусыпным контролем бессмертных. Причём с разных сторон. Это не могло не вносить в размеренную жизнь Дворца огорчительное беспокойство и даже тревогу. К тому же соглядатаи обшарили всю округу — вдоль и поперёк и снизу доверху, но никаких следов Тесея не нашли. А то, что примерно тогда же остров покинул Агамемнон, наводило сыщиков на вполне объяснимые подозрения.

«Вот и ладно. Вот и пусть», — думала Ариадна, сердце которой буквально разрывалось между пропажей Веры и отсутствием вестей от Дедала, который так часто подолгу пропадал в мастерских Лабиринта, что его исчезновения никто и не заметил.

До Дворца, конечно, дошли известия о страшной буре, разыгравшейся над Срединным морем в ночь, когда Дедал с Тесеем отплыли на Тиру, но Ариадна не позволяла себе даже предположить, что эта буря могла погубить критский кораблик. Лодочник — опытен. Дедал — мудр. Тесей — силен и вынослив. Нет-нет! Погибнуть они не могли. Почему же до сих пор не вернулась почтовая птица, которую Дедал должен был выпустить по прибытии на Тиру?

А Вера? Ариадна не сомневалась, что её второе «я» — под надёжной защитой. Да, игра ещё

не выиграна. Но и не проиграна. У Веры — могущественные покровители. Жаль, что связь с нею прервалась. Но ведь как-то жила она без этой связи! Что же теперь так ноет сердце? Чего ему не хватает? Ариадна кое-что знала о мире, из которого так внезапно явилась Вера. Это был мир того будущего, которое всегда присутствует и в настоящем, и в прошлом. Ведь все времена одновременны. В этом-то Ариадна ничуть не сомневалась. Но тот далёкий мир представлялся ей всегда как говорится, в самых общих чертах, а Верины мысли делали его таким близким и понятным, словно она действительно переживала каждую минуту её жизни — вместе с ней.

«Наверное, точно так же и Вера чувствует мой мир, мои переживания как свои собственные. Хотя она ребёнок... а я...» — у царевны слёзы навернулись, но уж чем-чем, а излишней сентиментальностью она не страдала, поэтому в конце концов, вместо того чтобы перебирать в голове свалившиеся на неё печали и горести, начала придумывать план.

Ариадна сидела на полу в своей опочивальне, поджав под себя ноги, и раскладывала перед собой на ковре цветки шафранов, целая охапка которых плавала рядом в бассейне.

«Это Кносс, — Ариадна положила рядом два шафрановых венчика, — а это, — в сторону был брошен другой цветочек, — это Тира. Вот здесь, — она бросила на ковёр ещё несколько шафранов, — острова... А это, — на ковёр полетела целая горсть цветочных головок, — царство Афины. Допустим, Тесей и Дедал добрались до Тиры. В городке Акрос они должны были найти кого-нибудь, кто имеет доступ к местным нимфам. А те наверняка знают, как договориться с бессмертными. Если же не добрались до Тиры... Значит, они сейчас на одном из островов...»

— Икар здесь, — прошуршала Зои за её спиной.

Ариадну озарило: Икар!!!

Так вот и получилось, что спустя несколько дней во время своей обычной вечерней прогулки по берегу Парис увидел над скалами фигурку крылатого человека, которая быстро удалялась в сторону Акроса. Он, конечно, удивился, испугался, поэтому и поспешил — по уже приобретённой привычке — в храм Созерцания: спросить звёзды о прошлом, настоящем и будущем.

Звёзды, как и прежде, не отвечали на вопросы, которые он задавал, но показывали некий чертёж, подлежащий истолкованию. Из него же выходило, что неожиданное событие, случившееся сегодня, имеет прямое отношение к Тесею. Это событие требовало немедленного действия от него, Париса, иначе весьма ухудшатся дела не только у Тесея, но и у множества людей, которых Парис не знал; но — главное! — в звёздных рисунках Парис увидел символы, указывающие на Веру. Ей грозила опасность! Страшная, смертельная опасность.

Ну, раз так... Парис недолго думал. Тесею не нужно было подробно объяснять, зачем они отправляются в Акрос. Молодой афинский царь, вполне оправившись после кораблекрушения, был готов к путешествиям и подвигам. Летающие люди? Мало ли какие бывают люди и нелюди! Найдём и допросим! Хватит валяться на мягкой перине у гостеприимной Урании. Пора и за дело приниматься.

Друзья отправились в путь на рассвете, поставившись скрыть от хозяйки пещеры незапланированный уход, но она, конечно, знала всё и без предупреждения. Ведь это «мероприятие» как раз вполне соответствовало целям Феба Аполлона, а значит, и её, Урании, целям. Поэтому она только терпеливо наблюдала за молодым афинским царём и его юным приятелем.

А они—с утра пораньше—принялись бодро шагать по дорожкам и тропинкам Тире, скрашивая недолгий и нетрудный путь приятной глубокомысленной беседой. Выяснилось, что о Вере Тесей почти ничего не знает. Он познакомился с Ариадной, и о ней у него сложилось, скажем так, двойственное впечатление. Девушка умная и красивая. Но какая самоуверенность! Порядочные девушки так себя не ведут! В Афинах такую осмеяли бы и выгнали из города!

«Ого!—подумал Парис.—А как же Вера? Уж Вера-то, Вера...»

Он не посмел даже продолжить...

— Скажи, Тесей, ты бывал... в Лабиринте?

— Да...— молодой афинский царь пожал плечами, как будто прогулки в Лабиринте для него— дело обычное и повседневное.

— И как там?

— Жутковато было сначала. Но со мной были надёжные спутники. Сперва Ариадна сама, потом— Икар, сын Дедала... Подозреваю, кстати, что как раз его-то и предстоит нам разыскать. Обычное, конечно, дело— летающие люди, но... думаю, кроме Икара и Дедала, больше и нет таких никого. — Расскажи про Дедала, Тесей! Про Дедала, про Икара и про Лабиринт.

— Да я ничего толком-то и не знаю. Когда я прибыл из Трезены в Афины, Дедала там давно уже не было. Говорили, что он из зависти к успехам убил собственного ученика и, спасаясь от кары за преступление, бежал и спрятался у Миноса, на Крите. Тот— ясное дело!— принял беглеца как родного! Ещё бы! Среди учёных, строителей и волшебников до сих пор нет равных Дедалу в хитроумии и мастерстве. Ходили ещё разговоры, будто бы Дедал посвящён в секреты первородных... и даже вроде бы он сам— из тех, из первородных, так что у кого Дедал на службе или в дружбе, тому никакие враги не страшны!

Парис поёжился, но всё же повторил вопрос:

— Ну а... что там, в Лабиринте?

— Там?— Тесей вздохнул.— Там всё очень— ты не поверишь!— но там всё настолько красиво, что я дух не мог перевести! Там есть пещеры, и лестницы, и переходы, и прекрасные залы, расписанные охрой и киноварью... И храмы! И башни! И звонницы, полные невиданных существ... и кипарисовые рощи, и лавандовые поля... Там заправляют всем хозяйством невозмутимые змееды. И там... там— царствует Ариадна. Прекрасная, как богиня.

Парис понял: молодой афинский царь сейчас снова пустится в рассуждения о красоте и скромности,— и поспешил сменить тему разговора:

— А Минотавр?

Тесей споткнулся на последнем слове:

— Что— Минотавр?

Парис молчал, всем своим видом показывая, что не настаивает на продолжении разговора.

Но Тесей, замаявшись на несколько мгновений, вдруг сам— полущёпотом— произнёс:

— А ведь я его и взаправду... видел...

— Кого?— Парис сглотнул слюну и остановился от неожиданности.

— Минотавра... видел. Вот как тебя сейчас.

Парис, на мгновение утратив дар речи, уставился на старшего друга, а тот, почему-то оглядевшись по сторонам, продолжил быстрым шёпотом, словно боялся, что кто-нибудь подкрадётся и услышит: — Когда нас— афинских юношей и девушек— высадили на критском берегу, мы некоторое время сидели на камнях у кромки воды, дожидаясь посланников Дворца, которые должны были решить, куда нас дальше отправить. День клонился к вечеру, всех, особенно наших спутниц, донимала усталость. Голоса моряков и грузчиков, стук и грохот досок, корзин и ящиков, рёв и бляение скота— обычные звуки пристани— слились для нас в однообразный шум, но этот звук— он доносился из-за небольших холмов, поросших кустарником,— был настолько странным, что я вскопчил и навострил уши. Мои товарищи тоже встрепетались, но я велел им оставаться на месте, а сам, прячась в кустах, пошёл за источником звука.

— Неужели вас никто не охранял? Тебе так вот запросто позволили уйти?— недоверчиво молвил Парис.

— Охрана?— Тесей поморщился.— А вот послушай, что было дальше! Я обогнул пригорок и тут же упал плашмя за мириковый куст, надеясь, что не буду обнаружен: прямо на меня двигалось оно... чудовище... Огромное— в два... нет, в три человеческих роста высотой. С огромными руками и ножищами, обутыми в медные сапоги. Голова у него была бычья— с рогами и красными немигающими глазами, которыми чудовище водило кругом, как никогда не смогут ни человек, ни животное. И ещё— в разных местах на теле у него то вспыхивали, то гасли белые, зелёные и красные огни. При этом чудовище издавало тот самый звук,

больше всего похожий... да!.. на гул потревоженного пчелиного роя. И этот звук исходил не из пасти чудовища, а от всего тела, которое, помимо этого, скрипело, скрежетало и звякало, с ужасной равномерностью бухая ножищами по камням.

— Оно, — Парис едва не задохнулся от удивления и страха, — заметило тебя?

— Нет, — Тесей качнул головой. — Я скрылся за мирикой и только наблюдал, стараясь не шевелиться и даже не дышать. Представь, что такое страшилище может сделать с человеком! С каким угодно множеством людей... как угодно вооружённых... А ты говоришь — охрана. От такого не убежишь! Но, знаешь, Парис, самое главное — даже не его огромная сила и зоркость. Нет! Главное — он неживой. Не человек и не зверь.

— А кто? — Парис, не отрываясь, смотрел на Тесея, словно тот собирался открыть ему тайну мироздания.

— Не знаю, как это назвать... но он весь сделан из меди, золота и драгоценных камней. Может быть, внутри этого устройства сидит кто-то и управляет им, но мне показалось тогда, что он движется сам собой. Уж такая это... максана...¹¹ устройство, понимаешь? Не обошлось здесь без волшебства Дедалова. Я как это понял, так сразу перестал бояться, но решил, что надо быть начеку, с тем и вернулся к своим, чтобы успокоить их.

— Ты им всё рассказал?

— Зачем? Они бы только больше испугались. Я просто понял, как Минос охраняет свой остров. Полагаю, такой Минотавр у него не один. Жители Крита, конечно, об этом знают, но предпочитают помалкивать. А чужакам знать и вовсе ни к чему. Тем более — болтать направо и налево, — Тесей нахмурился, но тут же продолжил как ни в чём не бывало: — Когда я вернулся, за нами уже прислали из Дворца, и мы вскорости прибыли в Схоликон, где нас уже ждали, можно сказать, с распростёртыми объятиями.

За разговорами дорога показалась друзьям недолгой. К полудню они были уже в Акросе, маленьком приморском городке, где, несмотря на часто пристающие к берегу корабли, любой неместный сразу оказывался на виду. Первый же встречный рассказал Тесею и Парису, как разыскать Икара, а тот и сам рад был, что цель его рискованного полёта над Средним морем сама его нашла.

Тесей не смог объяснить Икару, что случилось с Дедалом. Буря накрыла критский парусник у самого острова Тира, иначе Тесею не удалось бы выжить. Да и не выжил бы он, пожалуй, если бы не Парис.

Икар бросил на Париса испытующий взгляд, и глаза его потеплели. Может быть... нет, скорее всего, Дедал тоже спасся. А если так — он здесь, на Тире. Надо искать!

— Он жив, — Парис вспомнил, что говорила об этом Урания, — и мы его обязательно найдём!

Тут он замаялся, не зная, как спросить, но наконец решился:

— Скажи, не видел ли ты при дворе девочку... странную, не похожую на критских... но очень похожую на Ариадну? Как младшая сестра на старшую...

— Откуда ты знаешь Веру? — в свою очередь удивился Икар.

— Судьба света, — вздохнул Парис.

— Они не сёстры, — Икар помедлил, но всё-таки решил не погрязать мальчишку в глубины науки и магии, — но действительно очень близки. Вера пережила во Дворце и в окрестностях такие приключения, каких любому воину-мужу хватило бы на всю жизнь! А что ей ещё предстоит... никто не знает, Парис! Вера исчезла в тот самый день, когда на Крите праздновали Восхваление Цветов. — Как — исчезла? — у Париса сжалось сердце.

— Так. Похоже, её похитил Посейдон.

Тут уже Тесей спохватился:

— Разбушевался что-то владыка! То нас с Дедалом едва не погубил, теперь девочек, на Ариадну похожих, ворует... Боги жаждут! Ох, к большой беде судьба!

— Бессмертные беду готовят, но бессмертные и от беды ведут, — глубокомысленно изрёк Икар. — Тебя очень в Кноссе ждут, Тесей.

— Вот как? — Тесей даже порозовел от удовольствия.

.....

11. Μαχάνα — дорийское слово, от которого, как считают учёные, произошло наше слово «машина».

— Знал бы ты, как Ариадна переживает, — Икар давно понял, конечно, как зацепить Тесея. — Теперь опасность в Кноссе для тебя миновала: дорийцев там больше нет. Скрылись в неизвестном направлении. При желании можно и возвращаться.

Ещё бы не хотеть Тесею снова увидеть Крит! Там остались его товарищи по счастью и несчастью — афиняне и афинянки. Без них Тесей не мыслил вернуться в Афины. К тому же Ариадна... Ах, Ариадна! При мысли о ней у Тесея начиналось учащённое сердцебиение, хотя он и не решался себе признаться в причине. И Минотавр! Неужели ему, Тесею, суждено до конца распутать клубок слухов о Минотавре? Но ведь зачем-то Посейдон привёл молодого афинского царя на Тире... Что, если, поддавшись искушению и пустившись на поиски приключений в Кносс, он снова нарушит волю бога-покровителя и будет наказан? Ещё страшнее наказан, чем кораблекрушением, в котором едва выжил... К тому же Дедал... Что с ним стряслось? В Афинах ждут не столько отправленную на Крит молодёжь, сколько волшебника Дедала. А Дедал-то, если он жив, конечно, обретается здесь, на Тире. Да и как отправиться теперь на Крит? Снова искать судёнышко для морского похода? И чем расплатиться с перевозчиком? Таким неумищим, как теперь, Тесей никогда ещё не был...

Так думал Тесей, а Икара терзали другие мысли. Где отец? Как его найти? О том, чтобы отказаться от поисков Дедала, не могло быть и речи.

Парис же мечтал об одном: как можно скорее попасть в храм Созерцания, ввести в приборы Урании новые данные и спросить звёзды о Вере.

В комнатухе, где Икар поселился у знакомого рыбака, становилось темно и душно. Икар поднял решётчатую ставню, закрывавшую окно, и подставил лицо вечернему ветру, тянувшему с моря. — Что будем делать? — сын Дедала, может быть, впервые в жизни был в замешательстве. — Я надеялся найти на Тире и тебя, Тесей, и отца. Пока не разыщу его, не успокоюсь. Но Ариадна... Как представлю себе, в какой она тревоге... Сколько ей предстоит ещё маяться в неизвестности?

— Нас двое — можно разделить: один останется здесь и будет искать Дедала, — Тесей в задумчивости потёр переносицу, — а другой отправится в Кносс, чтобы успокоить Ариадну. И я даже знаю, кто он, этот другой.

Тесей усталился на Икара и расплылся в улыбке. Действительно. Крылья-то — у кого? Только у него, у Икара. Вот и решение. Всё просто. Икару поручили узнать. Он узнал.

— Крылья? — усмехнулся в ответ Икар. — Есть крылья и для тебя.

Он достал из-под лавки уже знакомый нам заплечный мешок и во всю ширину, насколько позволяли размеры каморки, развернул перед опешившими собеседниками серебристые изогнутые

плоскости, собранные из кусочков неизвестной ткани и костяных пластинок, скреплённых маленькими бронзовыми скобками.

— Эх! Тонкая работа! — восхитился Тесей. — Но я же... не умею...

— В том-то и дело, — Икар озадаченно сдвинул брови, — без меня тебе до Крита не добраться.

— Нас трое! — Парис обиженно вмешался в разговор. — И из нас троих лучше всех искать и находить способен я! Не буду справляться — мне сама Урания подскажет. Если Дедал на Тире, я его найду! А потом он сам решит, как дальше быть.

— Мальчик! — изумился Икар. — По силам ли ношу берёшь?

— О! Ты не знаешь его, Икар! Он мал, да удал! — Тесей одобрительно похлопал Париса по плечу.

— Если так... — Икар всё ещё сомневался, но Парис, хотя и выглядел вполне по возрасту — худеньким большеглазым кудрявым подростком, смотрел так по-взрослому уверенно и серьёзно, что сын Дедала сдался, развёл руками и кивнул.

— Но как сообщить в Кносс, что я его нашёл? — Парис уже привык, решая задачу, по возможности не оставлять неизвестных.

— Птица, — Икар снял с угловой полки клетку, накрытую платком, и поставил её перед Парисом. — Это Свирл. Почтовая ласточка Ариадны, — платок упал на пол. — Выпустишь его, когда убедишься, что отец жив и здоров.

Свирл, покачиваясь на жёрдочке, казалось, уставился на мальчика вполне разумным пронизательным взглядом, отчего Парису стало даже не по себе.

— Береги его, — сказал Икар, с сожалением оглядев клетку. — Я нёс эту клетку над морем, обеими руками прижав к сердцу.

— Не беспокойся. Я не подведу.

Парис представил себе крылатого человека, летящего над морем с запасными крыльями в мешке на ремне, переброшенном через плечо, и клеткой, обеими руками прижатой к сердцу, и весьма посочувствовал Икару. Путь неблизкий, силы не бесконечные. Икар, конечно, герой! Герой настоящий!

Грустно было Парису смотреть, как Икар и Тесей удаляются от него в темнеющем над Тирой небе... Две огромные чёрные птицы. Однако — хлопот у него прибавилось, и, переночевав в хижине рыбака, на рассвете он пустился в обратный путь — к храму Созерцания.

Он почти вприпрыжку бежал по еле заметной стёжке, протоптанной поутру им и Тесеем в густой траве между седыми оливами и кустами мирики. Клетка, которую он держал в правой руке, покачивалась и вздрагивала, но Свирл, казалось, не обращал на это внимания: сидел себе, нахохлившись, на жёрдочке и в ус не дул. Но вдруг он встрепенулся, заматался по клетке и заверещал

дурным голосом. Что такое? Что случилось? Парис поставил клетку на землю и огляделся. А-а-а... вот в чём дело! Из кустов на краю ближайшей полянки тяжело взлетел молодой коршун, в когтях которого трепыхалась полузадушенная добыча.

— Па-ма-ги-и... — донеслось до Париса. — Па-ма... кха-кха... ги-и-и...

Свирл голосил так, что у Париса заложило уши. — Понял, понял... прекрати!

Парис пошарил в траве, нашёл камень побольше (камни в изобилии валялись кругом), прицелился как следует и метнул камень в коршуна. Зоркий и ловкий, он не промахнулся! Хищник беспомощно захлопал крыльями, жалобно запищал и выпустил жертву, которая, кубыряясь и дрыгая конечностями, рухнула в траву прямо перед спасителем.

Парис опустился на корточки, пошарил в траве и, к изумлению своему, извлёк на свет дактиля — измученного, грязного, покрытого какими-то зелёными лохмотьями, с всклокоченной шевелюрой и спутанной бородой.

— Ты кто? — Парис прежде видывал дактилей, но такого матёрого, кажется, впервые.

Дактиль лежал у него на ладони, громко кряхтя и стелая.

— Пап я, — дактиль, с трудом подтянув под себя ноги, сел у Париса на ладони и неопределённо мотнул головой куда-то в сторону. — Мерзавец преследовал меня от самого святилища. А... нет ли у тебя чего-нибудь съестного?

— О каком святилище речь? — Парис пошарил свободной рукой у себя за поясом и вытряхнул из складок одежды немного хлебных крошек.

Дактиль с жадностью набросился на еду, словно и вправду голодал немалое время.

— Как это — какое? На Тире одно святилище. «Таурус», — Пап удовлетворённо икнул, обвёл мальчишку оценивающим взглядом и в свою очередь спросил: — А ты кто?

— Я? — Парис рассмеялся. — Наследник Троянского дома. Так что не советую со мной шутить.

— Так и знал, — насутился Пап. — Впрочем, это к лучшему. Ведь я теперь должен отблагодарить тебя за спасение. Таков уж закон пайдитигис¹². Чего же ты хочешь, большое дитя?

Парису не надо было долго думать. Он точно знал, чего хочет.

— Можешь провести меня на «Таурус»?

Пап замялся, попытался соскользнуть с Парисовой ладони. Но тот предусмотрительно сдвинул пальцы, и дактиль оказался взаперти. Некоторое время он ещё барахтался, пытаясь высвободиться, но быстро понял, что ничего не получится, и обречённо распластался на тёплой коже благосклонного, но не слишком доверчивого гиганта, каковым был для него Парис.

Тут снова Свирл подал голос. Он что-то щебетал на своём птичьем языке, и Парис поклялся

бы, что ласточка и дактиль прекрасно понимают друг друга.

— Ладно, — Пап, наконец, смирился со своей участью, — я тебя отведу. Я знаю даже, как попасть внутрь. Бывал... да-да... бывал в святилище не раз. Там много такого, во что и не поверишь, пока сам не увидишь.

Парис благоразумно промолчал о том, что тоже однажды побывал в святилище, однако его любопытство от этого только многократно возросло. Ведь побывал-то он там не по своей воле. А теперь вот — побывает по своей!

— Отпусти меня, не убегу, — дактиль поскрёб ладошку Париса ногтями, длинными и острыми, как когти. — Я — твой должник. Сказано — сделано. Иди за мной. И ласточку выпусти — легче следить будет.

Парис покрутил головой: как же выпустить Свирла? Ведь он — единственная связь с Кноссом. — Думаешь, он дурак? Или — предатель? — возмутился Пап. — Поверь, он знает, что делать. Не хуже, чем ты или я.

Парис приблизил ладонь к земле, Пап спрыгнул с руки и тут же указал на клетку. Мальчик повернул щеколду, открыл клетку, Свирл выпорхнул и стал кружиться над ними, что-то настойчиво щебеча.

— Идём же, — Пап засеменял кривыми ножками в траве с такой неожиданной быстротой, что Парис сразу оценил его предложение насчёт Свирла.

За передвижениями дактиля без ласточки, летящей над ним, следить было бы невозможно.

Ох... как в русской сказке, долго ли, коротко ли они так бежали и летели, но Пап наконец остановился. Перед ними возвышалась плоская скала, уходящая вправо и влево насколько хватало глаз, — пожалуй, в три человеческих роста высотой.

— Ну, теперь смотри.

Чтобы разглядеть, что показывает Пап, Парису пришлось лечь животом на землю, и то, что он увидел, вполне укладывалось в его представление об устройстве всевозможных приборов и аппаратов, которые он успел почерпнуть в храме Созерцания.

Это была вертикальная серебристая плашка размером как раз, пожалуй, с человеческую ладонь. На ней мерцали белые, красные и зелёные огоньки. Для кого бессмертные устроили такое? Может, как раз для дактилей, которые им служат?

— На вход — два зелёных, белый и красный, — Пап весь сморщился, говоря это. Видно было, что он нарушает какое-то, очень важное правило, и это его смущает. — На выход — в обратном порядке, только и всего.

Недолго думая, Парис потрогал пальцем огоньки, и... Каменная стена перед ним раздвинулась, ...

12. Пайдитигис — дети земли, самоназвание племени дактилей.

и мальчику открылся туннель со сводчатым потолком, озарённый рассеянным, неведомо откуда исходящим светом.

— Вот, — дактиль вздохнул, развёл руками, — ты получил что хотел. Я свободен. И я пошёл.

— Стой, стой! — закричал Парис.

Но было уже поздно. Дактиль исчез.

И всё бы ничего, но вместе с ним исчез и Свирл. Парису оставалось лишь надеяться, что мудрая птица сама знает, что делать. И всё сделает правильно.

А Парис, не колеблясь более ни секунды, вошёл в святилище и зашагал по туннелю, предварительно закрыв за собой вход.

Долго шагать ему не пришлось. По мере движения своды туннеля становились всё выше и выше и, наконец, потонули в сизом сумеречном тумане.

Парис шёл, шёл и оказался в зеркальном зале, похожем на тот, в который перенесла его Афродита, когда он нечаянно разгневал её бессмертных соперниц и расстался с Верой. Сейчас, вместо того чтобы паниковать, как тогда, он дождался момента — и, вытянув руку, попытался совместить растопыренные пальцы с протянутой к нему рукой собственного отражения. Это не сразу ему удалось, но он уже видел подобные штуки в храме Созерцания и, сосредоточившись на своих ощущениях, набрался терпения. Но вот зеркальные стены стали затягиваться белой мутью, и теперь Парис был уже в помещении совсем знакомом: такие же экраны, панели, пульта, как в башне Урании. И всюду — мигающие огоньки: красные, белые и зелёные.

Парис прекрасно помнил, что посреди Белого зала находился чёрный столб с доской управления

наверху и что бессмертные входили и выходили из зала прямо сквозь стены. Без видимых усилий: приближались к ним — и всё. Были — и нет.

Чёрного столба здесь не наблюдалось. Парис решил исследовать стены. Он пытался и так, и так соприкаться с веществом, из которого они состояли, — стены мягко пружинили под его прикосновениями, толчками и ударами, но оставались стенами. Непробиваемыми и непроходимыми.

Тогда Парис встал на четвереньки и стал искать что-нибудь для входа и выхода, предназначенное для дактилей. Видимо, дактили давно и специально служат бессмертным на «Тауресе». Надо понять, как они перемещаются здесь... внутри...

А-а-а... вот... в самом низу у стены он обнаружил точно такую же серебристую плашку с огоньками, как у входа в святилище. Так... два зелёных, белый и красный...

Париса выбросило в соседний зал, и он тут же зашёлся неукротимым кашлем, прижав руки к горлу и вытаращив глаза.

— Дурное дитя! Как ты сюда попало? — из стены напротив, прихрамывая, вышел седовласый великан в серой робе.

Теряя сознание, Парис успел подумать, что у великана руки кузнеца — жилистые, мозолистые, с вьёвшейся под ногти ржавчиной.

Кузнец топнул, хлопнул — перед ним тут же вырос чёрный столб с панелью управления. Раз-два... Парис судорожно вдохнул... задышал... и — уже привычно — увидел, как лицо кузнеца исчезает под шлемом в виде головы быка — могучего, но добродушного.

Окончание следует...